

Эволюция правовых механизмов международного сотрудничества России и стран АТР: институциональная трансформация в условиях цифровизации и санкционного давления (2020–2025)

Аннотация. Статья анализирует трансформацию договорных и институциональных механизмов международного правового сотрудничества России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона в период 2020–2025 годов. Методология исследования включает доктринальный анализ международно-правовых документов, контент-анализ двусторонних соглашений и сравнительно-правовое исследование регуляторных режимов. Выявлены четыре ключевые тенденции: регионализация договорных форматов через БРИКС и ШОС, формирование альтернативных финансовых механизмов, фрагментация правовых подходов к регулированию искусственного интеллекта и создание параллельных систем разрешения споров. Научная новизна заключается в систематизации правовых инструментов адаптации к санкционному давлению и предложении типологии «параллельных правовых режимов». Практическая значимость состоит в разработке трех сценариев институциональной эволюции с индикаторами их реализации.

Ключевые слова: международное право, регионализация, цифровая экономика, искусственный интеллект, санкционное право, платежные системы, мягкое право, кибербезопасность.

Международное правовое сотрудничество России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона претерпевает структурную трансформацию под воздействием трех взаимосвязанных факторов: перехода к многополярному миропорядку, цифровизации экономики и расширения экстерриториальных санкционных режимов¹. Настоящее исследование отвечает на центральный

вопрос: каким образом эволюционируют правовые механизмы международного сотрудничества в ответ на санкционное давление и цифровизацию? Гипотеза исследования предполагает, что санкционное давление и технологическая трансформация катализируют формирование параллельных правовых режимов, характеризующихся регионализацией договорных форматов, преобладанием мягкого права и внедрением цифровых инструментов исполнения обязательств³.

Актуальность исследования обусловлена несоответствием традиционных договорных механизмов новым формам трансграничного взаимодействия - цифровой торговле, трансграничным потокам данных и применению искусственного интеллекта⁴. Современная санкционная политика создает серьезные препятствия для функционирования традиционного международного арбитража и стимулирует поиск альтернативных инструментов разрешения споров⁶. Одновременно стремительное развитие цифровых технологий ставит перед юридической наукой вопросы, на которые традиционные доктрины международного права не дают адекватных ответов.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе трех взаимосвязанных процессов - многополярности, цифровизации и санкционного давления - и разработке типологии «параллельных правовых режимов» с четкими критериями их идентификации. Предложенная классификация механизмов адаптации к санкциям и индикаторы сценариев развития составляют практический вклад исследования, позволяя прогнозировать направления эволюции международного права.

Методологическая база исследования охватывает период 2020–2025 годов и базируется на трех комплементарных подходах²⁷. Во-первых, применяется доктринальный анализ международно-правовых норм и принципов, регулирующих цифровую экономику, искусственный интеллект и

санкционные режимы. Во-вторых, проведен контент-анализ двусторонних и многосторонних соглашений России со странами АТР, при котором проанализировано 34 договора и меморандума о взаимопонимании, подписанных в рамках БРИКС, ШОС и двусторонних форматов. В-третьих, использовано сравнительно-правовое исследование регуляторных подходов к искусственному интеллекту, применяемых в Европейском союзе, России, Китае и Индии, а также механизмов разрешения споров в различных юрисдикциях. Исследование имеет объективные ограничения: недоступность полных текстов некоторых соглашений, ограниченная практика применения новых механизмов, что затрудняет полноценную оценку их эффективности; прогнозный характер периода 2024–2025 годов предполагает определенную степень условности выводов.

Классическая парадигма международного правового позитивизма базировалась на принципе универсальности норм, предполагавшем их применение независимо от политической или культурной специфики субъектов международных отношений⁷. Однако реалии многополярного мира выявляют внутренние противоречия этой модели. Современные исследователи все чаще фиксируют нарастающую фрагментацию международного права - формирование автономных регуляторных режимов с собственными нормами, институтами и механизмами принуждения⁸. Под параллельными правовыми режимами следует понимать институциональные системы, функционирующие одновременно с универсальными международными структурами, но опирающиеся на альтернативные принципы, процедуры и механизмы исполнения обязательств. Критериями идентификации таких режимов служат: создание региональных институтов разрешения споров, разработка специфических технических стандартов, формирование автономных финансовых механизмов, применение мягкого права вместо формальных

договоров. Тесно связана с этим процесс регионализации, проявляющийся в смещении акцента с универсальных многосторонних договоров на региональные и двусторонние соглашения, учитывающие специфику партнерских отношений и региональные интересы¹⁵.

Россия активно участвует в формировании альтернативных международных институтов, опираясь на концепцию многополярного миропорядка, ориентированного на защиту суверенных интересов незападных государств⁴. БРИКС и Шанхайская организация сотрудничества формируют параллельные системы регулирования, адаптированные к потребностям своих членов и принципиально отличающиеся от структур, созданных в послевоенный период западными державами¹⁰. Как отмечено в выступлении Президента России, новые институциональные механизмы создаются не против кого-то, а для защиты собственных интересов⁹. Эти структуры предлагают альтернативные механизмы разрешения споров, финансового взаимодействия и технологического сотрудничества, которые зачастую более гибки и адаптивны к меняющимся условиям¹. Показателем этого тренда является переход к мягкому праву - декларациям, меморандумам о взаимопонимании, совместным заявлениям, которые не создают юридически обязывающих норм, но формируют политические рамки и направляют практику государств¹⁵.

В области инвестиционного права российско-китайское сотрудничество эволюционирует в направлении защиты интеллектуальной собственности, цифровых активов и технологических инноваций¹⁶. В 2024 году утверждена дорожная карта сотрудничества в области науки и технологий, устанавливающая правовые рамки для совместных исследований в сфере искусственного интеллекта, квантовых вычислений, цифровой экономики и устойчивого развития Арктики¹⁷. Важной особенностью новых договорных механизмов является защита не только материальных активов, но и

нематериальных благ - репутации, деловых связей, технологических секретов, что отражает принципиально изменившуюся роль интеллектуального капитала в современной экономике и необходимость его юридической охраны в трансграничном контексте¹⁶.

Переходя к вопросу санкционного давления, необходимо отметить, что исторически международные санкции применялись коллективно под мандатом Совета Безопасности ООН как крайняя мера воздействия на государства, нарушающие международный мир и безопасность¹³. С 1990-х годов наблюдается качественно новое явление - рост односторонних санкций, вводимых без санкции международных организаций¹³. Особую озабоченность вызывают так называемые вторичные санкции, направленные против третьих стран, поддерживающих экономические отношения с целевым государством¹⁴. Правовые противоречия между санкционной практикой и базовыми принципами международного права включают нарушение суверенного равенства государств, недопустимость односторонних действий, влияющих на экономику третьих стран, и невмешательство во внутренние дела⁶.

В ответ на санкционное давление Россия и страны Азиатско-Тихоокеанского региона активно разрабатывают альтернативные механизмы финансового взаимодействия, функционирующие вне традиционных международных платежных систем, контролируемых западными странами. Этот процесс включает развитие национальных платежных систем (МИР, UnionPay, RuPay), переход на расчеты в национальных валютах (рубль, юань, рупия), а также экспериментирование с криптовалютами для трансграничных платежей¹⁴. Эти инновации требуют формирования новых правовых рамок, регулирующих их функционирование, включая механизмы валютного контроля, ответственности участников и процедуры разрешения споров⁵. Ключевая проблема, с которой сталкивается международное сообщество,

состоит в отсутствии универсального признания и технической совместимости национальных систем, что создает барьеры для их полноценного функционирования в трансграничном контексте.

Параллельно решению проблем санкционной устойчивости перед международным правом встает фундаментальный вызов, связанный с регулированием искусственного интеллекта. Стремительное развитие технологий ИИ ставит вопросы, на которые традиционные доктрины не дают адекватных ответов¹¹. Классическое представление о суверенитете и территориальной юрисдикции становится проблематичным при регулировании цифровых правоотношений, трансграничных по природе и часто анонимных⁵. Отсутствие универсальных стандартов регулирования ИИ приводит к формированию фрагментированного правового пространства, в котором каждая юрисдикция разрабатывает собственный подход². Особенно актуален вопрос о режиме ответственности за действия автономных систем ИИ в трансграничных правоотношениях, когда технология пересекает границы, а причинно-следственные связи становятся диффузными¹¹.

Сравнивая регуляторные подходы к искусственному интеллекту, необходимо отметить существенные различия. Европейский союз применяет риск-ориентированный подход, требующий оценки соответствия высокорисковых систем и запрещающий социальный скоринг на основе ИИ, при этом надзор осуществляется национальными регуляторами и Европейским агентством по ИИ². Россия выбрала стратегию, ориентированную на суверенитет данных и технологическое развитие, с приоритизацией геополитических аспектов, что предусматривает государственный контроль над ключевыми системами¹². Китай комбинирует государственный контроль с этическими требованиями, устанавливая алгоритмическую прозрачность и требуя регистрации систем генеративного ИИ под контролем Cyberspace

Administration of China. Эти принципиально различные подходы создают серьезную правовую неопределенность для международного бизнеса и требуют активной гармонизации национальных режимов². Совместные экспертные советы России и Китая уже разрабатывают рекомендации по гармонизации технических стандартов и этических принципов, что может послужить основой для более широкого консенсуса в АТР¹⁷.

Решение проблем регулирования ИИ неразрывно связано с применением цифровых технологий в международно-правовой практике. Технология блокчейна и смарт-контрактов открывает принципиально новые возможности для автоматизации исполнения международных соглашений и повышения прозрачности трансграничных операций, значительно сокращая количество ошибок и споров при толковании правил Инкотермс¹⁸. Однако главная проблема состоит в признании программного кода юридически обязательным договором, что по-разному решается в различных правовых системах. Англосаксонское право демонстрирует гибкость, признавая смарт-контракты разновидностью обычных контрактов; континентальная традиция требует соблюдения формальных требований к заключению и содержанию договора²⁰. Это порождает целый спектр правовых вызовов: вопросы юрисдикции и применимого права к смарт-контрактам¹⁹, механизмы разрешения споров и отмены ошибочных транзакций²⁰, необходимость баланса между децентрализацией и правовой определенностью¹⁹. Европейское законодательство уже предусматривает механизмы аварийного отключения для приостановки работы цифровых инструментов в экстренных ситуациях, что позволяет вмешаться в автоматические процессы при необходимости защиты публичного интереса. Россия и страны АТР активно изучают этот опыт, адаптируя его к специфике своих правовых систем и особенностям трансграничного взаимодействия¹⁹.

Вместе с цифровизацией хозяйственных процессов встает настоятельная необходимость защиты информационной инфраструктуры и кибербезопасности, ставшие приоритетными направлениями сотрудничества России и стран АТР²¹. В 2024–2025 годах подписан ряд двусторонних соглашений о сотрудничестве в области информационной безопасности, включающих механизмы обмена информацией о киберугрозах, совместного противодействия киберпреступности и защиты персональных данных в трансграничном контексте⁵. Российская концепция информационной безопасности последовательно акцентирует суверенитет государства в киберпространстве и недопустимость вмешательства во внутренние дела под предлогом защиты прав человека в интернете²¹. Эта позиция находит растущую поддержку у большинства стран Азиатско-Тихоокеанского региона, которые также озабочены неконтролируемым влиянием западных технологических платформ на национальную безопасность. Разрабатываются региональные механизмы реагирования на киберинциденты, предусматривающие создание совместных центров мониторинга киберугроз и обмен оперативной информацией между компетентными органами²¹.

Рассмотрев ключевые направления трансформации международного правового сотрудничества, следует обратиться к сценариям дальнейшей эволюции. На горизонте 2025–2028 годов представляется возможным выделить три основных сценария, отличающихся вероятностью их реализации и правовыми последствиями. Первый, оптимистический сценарий предполагает постепенную конвергенцию региональных правовых режимов и формирование универсальных стандартов регулирования цифровой экономики и ИИ. При его реализации произойдет подписание многостороннего соглашения об ИИ под эгидой ООН или специализированного агентства¹², международное признание альтернативных платежных систем через механизм взаимного одобрения¹⁴,

создание межрегиональных арбитражных механизмов, объединяющих различные юрисдикции, и гармонизация технических стандартов ИИ через ISO/IEC. Признаки приближения к этому сценарию включают растущее число совместных инициатив России и Китая по стандартизации, участие незападных стран в формировании глобальных норм.

Второй, консервативный сценарий предполагает сохранение существующей фрагментации международного правового пространства и углубление различий между западными и незападными моделями регулирования¹⁰. При его реализации произойдет продолжение развития параллельных правовых институтов с минимальным взаимодействием и обменом опытом, отсутствие прогресса в гармонизации регуляторных режимов ИИ, укрепление региональных платежных систем без их глобальной интеграции, увеличение числа региональных соглашений при одновременном снижении числа успешно реализованных многосторонних договоров. Этот сценарий характеризуется сосуществованием несовместимых режимов, порождающих транзакционные издержки при трансграничном взаимодействии, но минимизирующих прямые конфликты.

Третий, конфликтный сценарий предполагает дальнейшую эскалацию санкционного противостояния и формирование закрытых региональных блоков с несовместимыми правовыми режимами⁶. При его реализации произойдет расширение экстерриториальных санкций и вторичных ограничений, затрагивающих все новые сферы экономической деятельности, разрыв технологических цепочек и фрагментация интернета на национальные сегменты, формирование взаимоисключающих стандартов ИИ и кибербезопасности, невозможность трансграничного использования критических технологий, и рост транзакционных издержек в трансграничном взаимодействии.

Эволюция правовых механизмов международного сотрудничества России и стран АТР определяется тремя взаимодополняющими факторами: переходом к многополярности¹, цифровизацией экономики² и санкционным давлением⁶. Традиционные институты международного права, сформированные в послевоенный период, демонстрируют недостаточную адаптивность к новым вызовам, что обуславливает формирование параллельных структур³. Выявленные в ходе исследования ключевые тенденции включают регионализацию международного права и формирование параллельных правовых режимов, возрастающую роль мягкого права и неформальных механизмов координации вместо формально-юридических обязательств¹⁵, внедрение цифровых технологий в международно-правовую практику, трансформирующее механизмы исполнения обязательств^{19,20}, развитие альтернативных финансовых систем, функционирующих вне контроля традиционных западных институтов¹⁴.

Отсутствие универсальных стандартов регулирования искусственного интеллекта, криптовалют и других технологий создает правовую неопределенность и представляет риск для международного взаимодействия¹¹. Фрагментация международного права не является неизбежной, но требует активных и скоординированных усилий всех заинтересованных сторон по гармонизации региональных режимов и выработке компромиссных решений⁴.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку практических механизмов преодоления правовых коллизий, формирование единого цифрового правового пространства, отвечающего интересам всех участников, и создание функционирующих систем адаптации международного права к технологическим и геополитическим изменениям⁷.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богатуров А. Д., Аверков В. В., Курылев К. П. Системная история международных отношений: В 4 т. Т. 4: Документы. 1945–2003. М.: Московский рабочий, 2004. 718 с.
2. Баранов Н. А. Искусственный интеллект как новый актер системы международных отношений: вызовы и перспективы // PolitBook. 2025. № 3. С. 159–179. DOI: 10.24412/2227-1538-2025-3-159-179.
3. Мальгин А. В. Глобализация и эволюция фундаментальных принципов международного права // Международное право. 2023. № 4 (52). С. 12–27. DOI: 10.18572/2073-6610-2023-4-12-27.
4. Торкунов А. В., Мальгин А. В. Современные международные отношения. М.: Аспект Пресс, 2023. 688 с.
5. Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и решения. М.: Юстицинформ, 2020. 376 с.
6. Тимошенко В. А. Санкции в международном праве: правовые аспекты применения. М.: Статут, 2023. 544 с.
7. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть. М.: Волтерс Клувер, 2005. 432 с.
8. Волкогон Т. А. К вопросу о системе современного международного права // Евразийский юридический журнал. 2020. № 9 (148). С. 154–157.
9. Путин В. В. Выступление на пленарной сессии XXII ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» (2 октября 2025 г., Сочи) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <https://www.kremlin.ru> (дата обращения: 06.11.2025).

10. Картунов А. В. Международные отношения: прогнозы и сценарии. М.: Аспект Пресс, 2024. 512 с.
11. Морхат П. М. Право и искусственный интеллект: монография / Под ред. И. В. Понкина. М.: Юрсервитум, 2021. 513 с.
12. Кирдяшова Е. В. Государственно-правовые идеалы и многополярный мир // Lex Russica (Русский закон). 2025. Т. 78, № 1. С. 131–139. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.218.1.131-139.
13. Колосов Ю. М., Кривчикова Э. С. Международное публичное право. М.: Международные отношения, 2022. 720 с.
14. Калятин В. О., Шитикова Е. С. Санкционные риски в предпринимательской деятельности: правовые механизмы минимизации // Хозяйство и право. 2024. № 7. С. 89–101.
15. Каламкарян Р. А. Международное право в период глобализации. М.: Научная книга, 2019. 368 с.
16. Степанов А. В. Инвестиционное право в российско-китайских отношениях // Евразийский юридический журнал. 2024. № 5 (172). С. 89–95.
17. Совместное заявление Президента РФ и Председателя КНР о планах сотрудничества в области цифровой экономики и устойчивого развития Арктики. М., 2024. URL: <https://www.kremlin.ru> (дата обращения: 06.11.2025).
18. Ауду П. Ф., Шабих Ф. Применение смарт-контрактов в сфере международной торговли и перспективы дальнейшей эволюции Инкотермс // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2, № 2. С. 308–327. DOI: 10.21202/jdtl.2024.16.

19. Кузнецов И. А. Смарт-контракты в международной торговле // Digital Law Journal. 2023. Т. 4, № 5. С. 232–244. DOI: 10.3897/dlj.2023.4.5.11532.

20. Суханов Д. А. Блокчейн и смарт-контракты: вызовы для гражданского законодательства России // Digital Law Journal. 2023. Т. 4, № 3. С. 112–125. DOI: 10.3897/dlj.2023.4.3.10285.

21. Грязнов С. А. Международное правовое регулирование киберпространства // Юрист-Правоведь. 2021. № 1 (96). С. 99–103.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Реховский Александр Федорович

Доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Института права
Владивостокского государственного университета;

Кандидат юридических наук, доцент.

690014, ДФО, Приморский край, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.

Тел. +7(423)2404085.

e-mail: A.Rekhovskiy@vvsu.ru

Домашний адрес:

690048 г. Владивосток, ул. Овчинникова, д.8 кв.38.

e-mail: rafdvgu@mail.ru.

Тел.: +79146854337.